

ТЪМА.

(изъ Байрона).

I had a dream, which was no tall a dream...

Я видѣлъ сонъ; то былъ не полный сонъ...
Померкнуло сіянье солнца; звѣзды,
По вѣчному пространству въ темнотѣ,
Погасшія и оцупью блуждали;
И въ воздухъ безлунномъ вся земля
Холодная и черная висѣла;
Заря пришла, но дня не принесла,
И ужасомъ охваченные люди
Забыли все волненія страстей,
И все сердца наполнились одною
Молитвою—о свѣтъ для земли.
Дворцы царей, и троны, и забушки,
И все мѣста, гдѣ человекъ живетъ,

Все дѣлалось огня добычей; люди
 Жгли города и вкругъ своихъ домовъ
 Пылающихъ собирались, чтобъ другъ другу
 Еще хотъ разъ успѣть взглянуть въ лицо;
 И счастливъ былъ, кто жилъ вблизи волкана
 И факеловъ сверкающихъ его.
 Последняя и робкая надежда
 У всѣхъ людей осталася: они
 Зажгли лѣса, но гордыя деревья
 И рушились, и тлѣли съ быстротой,
 И съ трескомъ вдругъ стволы ихъ исчезали,
 И снова тьма царила на землѣ.
 Былъ мраченъ видъ людей при этомъ свѣтѣ
 Отчаянья, когда по временамъ,
 Какъ молнія, ихъ озаряло пламя.
 Одни изъ нихъ лежали на землѣ
 И плакали, закрывъ лицо руками;
 А у другихъ мелькала на губахъ
 Какая-то безстрастная улыбка,
 И съ ней они сидѣли, прислонясь
 Щекой къ рукѣ; тутъ многіе поспѣшно
 Горючія собирали вещества
 И ихъ въ костры бросали, и смотрѣли
 Съ безумною тоской на темный сводъ—
 Исчезнувшей вселенной мрачный саванъ,
 И снова вдругъ съ проклятьями они
 Кидались ницъ и, воя, скрежетали.
 Испуганная стая хищныхъ птицъ
 Безсильными крылами била землю;
 И дикій звѣрь смирялся и робѣлъ;
 И ползали шипящія ехидны
 Среди толпы, не жая никого,
 И пищею онѣ служили людямъ;
 И вновь зажглась кровавая война,
 Умолкшая лишь на одно мгновенье;
 За каждую, малѣйшую кроху
 Вновь начали платить всѣ люди кровью;
 И порознь всѣ садился, и пасть
 Со злобою суровой наполняли.
 Любовь прошла безслѣдно; вся земля
 Одну лишь мысль собой осуществляла,
 Одну лишь мысль, и это было—смерть,
 Безславная и близкая! Терзали

Голодные страданія людей,
И падали они и умирали,
И кости ихъ, и мясо безъ гробовъ
Валялися; изсохшій становился
Добычею изсохшаго; собаки
Своихъ господъ кусали; лишь одна,
Какъ вѣрный другъ, у трупа господина
Легла, и птицъ, животныхъ и людей
Въ почтительномъ держала разстояннѣ,
Пока отъ мукъ голодныхъ всѣ они
Не высохли, иль жадно къ новымъ трупамъ
Направились; она жъ не отошла,
И жалобно стонала, и лизала
Съ отчаяньемъ глубокимъ руку ту,
Которая ей не могла отвѣтить
Привѣтливо,—и скоро умерла.
А голодъ все въ толпѣ распространялся;
Отъ города большаго одного
Въ живыхъ еще осталось только двое,
И были то враги; сошлись они
У тлѣющихъ остатковъ алтаря,
Гдѣ множество вещей священныхъ было
Наброшено; и кипулись они,
И начали костлявыми руками,
Дрожа, скорѣй, тотъ пепель разрывать,
И вызвало ихъ слабое дыханье
Изъ подъ золы ничтожный огонекъ;
Тогда они взглянули другъ на друга,
И вскрикнули, и умерли. Въ нихъ жизнь
Взаимное убило отвращенье,
И умерли они, не зная, кто
Былъ тотъ, на чьемъ челѣ ужасный голодъ
Напечатлѣлъ одно лишь слово: «врагъ»
Миръ опустѣлъ. Всесильный, многолюдный
Въ былые дни, теперь онъ грудой сталъ,
Лишенною временемъ различныхъ года,
Деревьевъ, травъ, и жизни, и людей.
Онъ грудой сталъ холодной смерти, въ хаосъ
Окаменѣлой грязи перешелъ.
Застыло все,—моря, озера, рѣки
И океанъ; на ихъ безмолвномъ днѣ
Движенья нѣтъ; суда гниютъ на морѣ,
И мачты ихъ валяются по кускамъ
И падаютъ въ безмолвныя пучины.

Въ гробахъ лежатъ морскія волны; мѣсяць—
Ихъ господинъ, скончался прежде ихъ.
Завянули въ гниломъ пространствѣ вѣтры,
И облака пропали; бесполезны
Онѣ для тьмы;—а ею былъ весь мѣръ.

И. Вейсбергъ.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1864.